

Вот бы Джованни меня поцеловал...

Но это плохая идея, и причин тому миллион. Для начала — Джованни на десять лет меня моложе и, как и большинство итальянцев до тридцати, до сих пор живет с мамой. Одно это делает его сомнительной кандидатурой для романтических отношений, тем более со мной — писательницей из Америки, недавно пережившей коллапс семейной жизни и измученной затянувшимся на годы разводом, за которым последовал новый горячий роман, разбивший мое сердце вдребезги. Из-за сплошных разочарований я стала угрюмой, злой на весь мир и чувствовала себя столетней старухой. К чему тяготить милого, простодушного Джованни рассказами о моем несчастном покалеченном самолюбии? Да и к тому же я наконец достигла того возраста, когда женщина волевым неволей начинает сомневаться в том, что лучший способ пережить потерю одного юного кареглазого красавчика — немедленно затащить в койку другого, такого же. Именно поэтому у меня уже много месяцев никого не было. Мало того, по этой самой причине я решила дать обет целомудрия на целый год.

Услышав это, смысленный наблюдатель непременно спросил бы: тогда почему из всех стран на свете я выбрала именно Италию?

Хороший вопрос. Это все, что приходит в голову, особенно когда напротив сидит неотразимый Джованни.

Джованни — мой языковой партнер. Звучит двусмысленно, но ничего такого в этом нет (увы!). Мы всего лишь встречаемся несколько вечеров в неделю в Риме, где я живу, чтобы попрактиковаться в языках. Сначала говорим по-итальянски, и Джованни терпит мои ошибки; потом переходим на английский — и тогда уж моя очередь быть терпеливой. С Джованни мы познакомились через несколько недель после моего приезда в Рим, благодаря объявлению в большом интернет-кафе на пьяцца Барбарини —

того, что стоит прямо напротив фонтана с атлетичным тритоном, дующим в рог. Он (Джованни, не тритон) повесил на доске листовку: итальянец ищет человека с родным английским для разговорной практики. Рядом висело в точности такое объявление, слово в слово, даже шрифт был одинаковый — только адреса разные. На одном объявлении был имейл некоего Джованни, на втором — Дарио. Но вот их домашние телефоны совпадали.

Положившись на интуицию, я отправила письма обоим одновременно и спросила по-итальянски: «Вы, случаем, не братья?»

Джованни ответил первым, прислав весьма провокационное сообщение. «Лучше. Мы — близнецы».

Ну как тут не согласиться — двое лучше, чем один. Высокие, смуглолицые, видные и неотличимые друг от друга, обоим по двадцать пять, и у обоих огромные карие глаза с влажным блеском — типичные итальянские глаза, от которых у меня мурашки бегут по коже. Познакомившись с близнецами лично, я невольно засомневалась, не стоит ли мне внести кое-какие поправки в свой обет целомудрия. Например, хранить целомудрие, но сделать исключение для двоих симпатичных двадцатипятилетних близнецов из Италии? Тут я вспомнила одну свою знакомую, которая, будучи вегетарианкой, все же никогда не может отказаться от бекончика... В мыслях уже складывался текст письма для «Пентхауса»:

...Стены римского кафе освещали лишь дрожащие свечи, и было невозможно понять, чьи руки ласкают...

Ну уж нет.

Нет, нет и еще раз нет.

Я оборвала фантазию. Не время сейчас искать приключений на свою голову и (что неизбежно) усложнять и без того запутанную жизнь. Мне нужно исцеление и покой, а их способно подарить лишь одиночество.

Как бы то ни было, к середине ноября (то есть к сегодняшнему дню) мы с Джованни, который оказался скромным и прилежным парнем, стали хорошими друзьями. Что касается Дарио, более взбалмошного из двоих, то его я познакомила со своей очаровательной подружкой Софи из Швеции, и они проводили время вместе, практикуя совсем другое. Мы же с Джованни только говорили. Мы ужинали вместе и общались вот уже несколько чудесных недель, исправляя грамматические ошибки за пиццей, и сегодняшний вечер был не исключением. Новые идиомы,

свежая моцарелла — словом, приятное вечернее времяпрепровождение.

Сейчас полночь, стоит туман, и Джованни провожает меня домой по римским закоулочкам, петляющим вокруг старинных зданий, подобно змейкам-ручейкам в тенистых зарослях кипарисовых рощ. Вот мы и у двери моего дома, стоим лицом к лицу. Джованни обнимает меня по-дружески. Уже прогресс, первые несколько недель он отваживался лишь пожать мне руку. Останься я в Италии еще годика на три, глядишь — набрался бы храбрости для поцелуя. А вдруг он прямо сейчас меня поцелует? Здесь, на пороге... ведь есть еще шанс... и мы стоим, прижавшись друг к другу в лунном свете... это, конечно, будет ужасной ошибкой, но нельзя же упускать возможность, что он сделает это прямо сейчас... ведь всего-то и нужно наклониться и... и...

И ничего.

Джованни отступает.

— Спокойной ночи, дорогая Лиз, — говорит он.

— *Buona notte, caro mio*, — отвечаю я.

Я в одиночестве поднимаюсь на четвертый этаж. Одна вхожу в свою маленькую студию. Закрываю дверь. Меня ждет очередная одинокая ночь в Риме. Долгий сон в пустой кровати в компании итальянских разговорников и словарей.

Я одна, совсем одна, одна-одинешенька.

Мысль об этом заставляет меня выронить сумку, опуститься на колени и прикоснуться к полу лбом. И там, на полу, я обращаюсь ко Вселенной с искренней молитвой благодарности.

Сначала по-английски.

Потом по-итальянски.

И в довершение, чтобы уж наверняка, — на санскрите.

2

Раз уж я стою на коленях, позвольте перенести вас на три года в прошлое — в то самое время, когда началась эта история. Оказавшись там, вы обнаружили бы меня в той же позе: на коленях, на полу, бормочущей молитву.

Но, не считая позы, все остальное три года назад было совсем не похоже на день сегодняшней. Тогда я была не в Риме, а в ванной на втором этаже большого дома в пригороде Нью-Йорка. Этот дом мы с мужем купили совсем недавно. Холодный ноябрь, три часа ночи. Муж спит в нашей кровати. А я прячусь в ванной, пожалуй, уже сорок седьмую ночь подряд и, как и все предыдущие ночи, плачу. Плачу так горько, что наплакала уже лужу слез, которая разлилась передо мной на кафельной плитке резервуаром душевных радиоактивных отходов, — тут и стыд, и страх, и растерянность, и печаль.

Не хочу больше быть замужем.

Мне очень не хотелось верить в это, но правда засела глубоко внутри и не давала мне покоя.

Не хочу больше быть замужем. Не хочу жить в этом доме. Не хочу иметь детей.

Но как это — не хочу детей?! Я же должна их хотеть! Мне тридцать один год. Мы с мужем вместе восемь лет, женаты шесть, и вся наша жизнь построена на уверенности, что после тридцати — самое время остепениться — я наконец успокоюсь и рожу ребеночка. Нам обоим казалось, что к тому времени я устану от постоянных разъездов и с радостью поселюсь в большом доме, полном хлопот, детишек и сшитых собственноручно лоскутных одеял. На заднем дворе будет сад, а на плите — уютно побулькивающая кастрюлька с домашним рагу. (Кстати, это весьма точное описание моей матери, что еще раз доказывает, как трудно было мне отделить себя от этой властной женщины, в чьем доме я выросла.) Но мне все это было не нужно. Я осознала это с ужасом. Мне исполнилось двадцать восемь, двадцать девять, и вот уже неизбежная цифра тридцать замаячила на горизонте, как смертный приговор. Тогда я и поняла, что не хочу заводить ребенка. Я все ждала, когда это желание появится, а оно все не приходило и не приходило. А ведь мне прекрасно известно, что значит *желать* чего-то. И ничего подобного я не чувствовала. Мало того, мне все время вспоминалось, что сказала сестра, когда кормила грудью своего первенца: «Родить ребенка — это как сделать наколку на лбу. Чтобы решиться на такое, надо точно знать, что тебе этого хочется».

Но разве можно теперь дать задний ход? Ведь у нас все идет по плану. Ребенок запланирован на этот год. По правде говоря, мы уже несколько месяцев упорно пытаемся зачать. Но ничего

не происходит (разве что — в порядке издевательской насмешки над беременными? — у меня началась психосоматическая утренняя тошнота: каждое утро дарю туалету свой завтрак). А каждый месяц, когда приходят месячные, я украдкой шепчу в ванной: «Спасибо, Господи, спасибо, спасибо за то, что еще хотя бы месяц у меня будет моя жизнь...»

Я пыталась убедить себя в том, что со мной все в порядке. Все женщины наверняка чувствуют то же самое, когда пытаются забеременеть. (Это чувство я характеризовала как «противоречивое», хотя вернее было бы сказать «чувство всепоглощающего ужаса и паники».) Так я и уговаривала себя, что со мной все нормально, хотя все свидетельствовало об обратном. Взять хотя бы одну знакомую, которую я встретила на прошлой неделе. Она только что узнала, что беременна, — после двух лет лечения от бесплодия, которое обошлось ей в кругленькую сумму. Она была в экстазе. По ее словам, она всегда мечтала стать матерью. Годами тайком покупала одежду для новорожденных и прятала ее под кроватью, чтобы муж не нашел. Ее лицо так и лучилось от счастья, и я вдруг поняла, что это чувство мне знакомо. Именно так я чувствовала себя прошлой весной, в тот день, когда узнала, что журнал, где я работаю, посылает меня в Новую Зеландию с заданием написать статью о поисках гигантского кальмара. И я решила: «Когда мысль о ребенке вызовет у меня такой же восторг, как предвкушение встречи с гигантским кальмаром, тогда и заведу детей».

Не хочу больше быть замужем.

В дневные часы я отталкивала эту мысль, но по ночам не могла думать ни о чем ином. Это была настоящая катастрофа. Лишь я одна могла проявить поистине преступный идиотизм: дотянуть брак до такой стадии — и только потом понять, что хочу все бросить. Дом мы купили всего год назад. Неужели мне не хочется жить в этом замечательном доме? Ведь когда-то он мне нравился. Так почему же теперь каждую ночь я брожу по его коридорам и завываю, как Медея? Неужели я не горжусь всеми нашими накоплениями — дом в престижном районе Хадсон-Вэлти, квартира на Манхэттене, восемь телефонных линий, друзья, пикники, вечеринки, уик-энды, проведенные в магазинах очередного торгового центра, похожего на гигантскую коробку, где можно купить еще больше бытовой техники в кредит? Я ак-

тивно участвовала в построении этой жизни — так почему же теперь мне кажется, что вся эта конструкция, до последнего кирпичика, не имеет со мной ничего общего? Почему на меня так давят обязательства, почему я устала быть главным кормильцем в семье, а также домохозяйкой, устройтелем вечеринок, собаководом, женой, будущей матерью и, в отрывках между всем этим, еще и писательницей?

Не хочу больше быть замужем.

Муж спал в соседней комнате на нашей кровати. Я любила и ненавидела его примерно поровну. Будить его и делиться своими переживаниями было совершенно ни к чему. Он и так был свидетелем того, как в течение нескольких месяцев я разваливалась на куски и вела себя, как ненормальная (я была даже не против, чтобы меня так называли). Я порядком его утомила. Мы оба понимали, что со мной что-то не так, но терпение мужа было не бесконечным. Мы ссорились и кричали друг на друга и устали от всего этого так сильно, как устают лишь пары, чей брак катится к чертям. Даже взгляд у нас стал, как у беженцев.

Многочисленные причины, по которым я больше не хотела быть женой этого человека, не стоит перечислять здесь хотя бы потому, что они слишком личные и слишком безотрадные. Во многом виновата была я, но и его проблемы сыграли свою роль. И это естественно: ведь в браке всегда две составляющие, два голоса, два мнения, две конфликтующие стороны, каждая из которых принимает собственные решения, имеет собственные желания и ограничения. Но я думаю, что некрасиво обсуждать проблемы мужа в этой книге. И не стану никого убеждать, что способна пересказать нашу историю беспристрастно. Пусть лучше рассказ о том, как разваливался наш брак, так и останется за кадром. Я также не стану открывать причины, по которым мне одновременно и хотелось остаться его женой, не стану говорить о том, какой чудесный это был человек, за что я любила его и почему вышла за него замуж и почему жизнь без него казалась мне невозможной. Все это останется при мне. Скажу лишь, что в ту ночь муж был для меня в равной степени маяком и камнем на шее. Перспектива уйти от него казалась невыносимой, но еще более невыносимой была перспектива остаться. Мне не хотелось, чтобы кто-то (или что-то) пострадал по моей вине. Если можно было бы тихонько выйти через черный ход без всякой сумятицы и последс-